ANNALI
DELL' ISTITUTO UNIVERSITARIO ORIENTALE DI NAPOLI

Dipartimento di studi dell'Europa orientale
Sezione Slavistica

AION
SLAVISTICA

5
1997-1998

ESTRATTO

I.U.O.

ФЛОРЕНТИНА БАДАЛАНОВА

ЭКСКУРСЫ В СЛАВЯНСКУЮ ФОЛЬКЛОРНУЮ БИБЛИЮ: ЖЕРТВА КАИНА

(Фольклорные и литературные версии одного библейского сюжета)

(Статья первая)[1]

Светлой памяти
Никиты Ильича Толстого

Ветхозаветный сюжет о Каине и Авеле [Быт. IV] получил весьма широкое распространение в средневековом культурном контексте Православной Славии. Он встречается не только в *книжной словесности* (параллельно интерпретирующей как собственно канонический библейский текст, так и его альтернативные апокрифические версии), но и в *словесности устной*. При этом он является стержневым компонентом нарративно-песенных, и одновременно некоторых ритуально-магических (заговорно-заклинательных) текстов.

С другой стороны, ветхозаветное сказание о Каине и Авеле как бы "переводит" библейскую терминологию в область национальных агиографических "образцов" (и, соответственно, идентифицирует "истинные названия" исторических событий, "узнавая" в них сакральные протообразы сюжетных ситуаций "Книги Бытия"). Тем самым сказание функционирует в качестве исконной парадигмы формирования и созревания некоторых ключевых для средневекового христианского сознания идеологических текстов. При этом имена Каина и Авеля как бы выходят за рамки библейского

---

[1] Настоящая работа является переработанной и значительно дополненной версией публиковавшегося ранее текста "Каин и Авель в болгарском фольклоре" - в сб. *От Бытия к Исходу*, Москва 1998, с. 154-162. Фольклорные материалы публикуются впервые.

ономастикона, превращаясь в аллегорические протообразы. В самом деле, они не только концептуализируют символику власти "царства Земного и/или Небесного", но и артикулируют соответствующий диапазон основных "тропов" их описания. Таким образом ветхозаветный сюжет о Каине и Авеле как бы "порождает" некоторые специфические - конфесиональные, идеологические, политические, етс. - модели метафорического употребления и символической интерпретации Библии, тем самым превращая ее в сакральный прообраз истории. Знаменательно при этом, что текст сказания о Каине и Авеле выполняет роль имплицитной парадигмы самого культа князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, которые были также первыми святыми, канонизированными Русской Церковью. Вместе с тем — и это особенно важно подчеркнуть — символический язык изображения убийства Бориса и Глеба "не от врага, но от брата своего" обнажает библейскую установку ярким, недвусмысленным образом (о чем пойдет речь несколько позже). При этом распределение ролей очевидно: Святополку Окаянному соответствует Каин, тогда как Авель маркирует стилистический эталон изображения Бориса и/или Глеба. Добавим лишь, что основания для этого дают прежде всего некоторые тексты Нового завета, согласно которым Авель признан не только праведником, но и первомучеником во имя веры. Показательны в этом плане слова самого Спасителя, сказанные им после его наставлений о фарисеях: "Да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником" [Мф. XXIII, 35]. Итак, в средневековом культурно-историческом пространстве Шравославной Славии имена Авеля и Захария[2] - первого и последнего среди ветхозаветных праведников - осознавались как ключевые, семиотически маркированные компоненты, содержащие в свернутом виде (а точнее, "задающие") парадигму христианской святости.

***

[2] На эту деталь обратил внимание, в частности, и Георгий Петрович Федотов в своей студии "Борис и Глеб - святые страстотерпцы", в сб. *Святые Древней Руси*, Москва 1990, с. 48-49.

Библейский сюжет о Каине и Авеле [Быт. IV], имеет достаточно широкое и любопытное распространение в болгарской фольклорной традиции. Он встречается преимущественно в прозаических текстах [чаще всего в качестве компонента разных вариантов этиологической легенды о Сотворении мира], являющихся специфической локальной фольклорной интерпретацией канонического текста "Бытия", или же его апокрифических версий. Примером такого типа может послужить текст варианта легенды о Сотворении Вселенной [инф. Дафина Атанасова Ангелова], записанного автором в дер. Котеновци, Северозападной Болгарии.

Текст этот представляет собой нарративную цепь, которая состоит из относительно самостоятельных в композиционном (а порой и сюжетном) отношении звеньев-эпизодов о судьбе Адама и Евы, равно как и их отпрысков; при этом повествовательный компонент, содержащий мотив описания убиения Авеля Каином, сопрягает собственно библейский сюжет со сюжетом локальной этиологической легенды "О первой в мире войне", которая функционирует в репертуаре нарративной традиции деревни и как отдельный, самостоятельный сюжет :

> "Като е сътворил Бог земнята, од земня и направил Адам. Направил Адам и го пуснал у Райската градина да еде от сички плодове там... Там свекакви плодове има.
> "А од една ябълка, - рекъл [Бог], - нема да ядеш! Од най-убавата ябълка нема да ядеш!"
> И он не ял. И така-а-а...
> Поседел сам и рекъл, Бог рекъл: "Не можем да държим тоа човек сам! Треба се пуци плод на таа земня!". Зел та извадил на Адам од левата страна едно ребро - на мъжете сега нема на левата страна едно ребро! А на жените са свите ребра, а на мъжете нема едно ребро! Извадил на мажо, на Адам, едно ребро и от кал направил и Дева Мария. И [така] я направил и ньея и ухнал и она се събудила. Ухнал и у ньея - и я направил от кал и ньея. И ньего така го бил направил и ухнал и он се събудил. И ин ги казал: "Тука че седите, от сичко че ядете - само те от таа ябълка нема да ядете!" А оно там - плодове много! И свичко са само плодове яли - като стока... А не са трудили като сега, да ядеме леб и

гозба. И змията се увила - една голема змия се увила у таа ябълка, дека не давал Бог да едат од ньея...
А он [Адам] не ял и она [Ева] не яла: казал й Бог - и ньема! А они се били облечени като козите съга кво са! Като козите сме били! Коса си е било изцело - като козите! А Бог като казал: "Нема да ядете!", а змията рекла: "Що от всички плодове ядете, а от тия не щете?"...
А они рекли: "Не дава ни Бог! Бог ни е казал от това дърво да не ядеме ние." А она змията рекла: "Не дава ви Бог, защото ще станете богове като Ньего! Затава! А вие си яжте!"
И они мислили, че истина - че станат богове! И змията ги излъгала! И яднали. Она откинала една ябълка и зела, та разрезала и му дала да яде и он, и Адам. А она - нали жена, она по-сръчна и глтнала. А он не го бил глътнал. Затова има тука на мъжете гръкланье. Те тука - тие гръкляньe... На свеки мъж има гръкляпье, а те - на жена нема гръкланье. Що она глътнала ньойнята ябълка, а ньеговата била дотука стигнала - и улезнал Бог при ньи! Нали си видела на мъжете - какви са гръкулите големи, а на жена - нема... А това е ябълката, дека е Адам изел ябълката и не е бил глтнал! Та дотука била и така на мъжете останало гръкули, а на жените - нема. И они се соблекли... Като яднале от тая ябълка - и оно се свлекла косата од ньи и они се затворили у дупката - так, дека са живеяли. У пещера е имало, та са живеяли. И ги било срам да излезнат. А Бог ги викал: "Адаме! Ево! Къде сте!" Они се кутали. "Назе ни е срам да излезнеме!" "Е, защо?" "Що боли!" - що ги срам било да излезнат. И они му казали, че змията ги излъгала и он рекъл: "Проклет да е кой я види и я не утрепе! Она ве е изюдила!" И они казали, че: "Она ни каза, че че станеме богове като тебе! И ние затова яднаме!" И он казал: "Проклет да е кой я види и я не утрепе!" Проклел я Бог! "И да се влачи по земята!" Що они са одили змиите, а от тогива я е проклел змията да се влачи по земята и кой я види - да я утрепе. Що она ги е излюдила - излъгала ги е, та да ядът! И они се соблекли! А Бог казал на Адам и Ева: "Щом слушате змията, сега да орете, да копате, да жънете! Да работите! Ти - да предеш, да тъчеш, да си облечеш децата! А он да оре и да копа - да ги рани!" И останали тогива ората. Та ние жените - се предеме, тъчеме, плетеме, да ги облачиме. А мъжете - да орът и да сеят и да садат, та да се раждат, да се очуват децата. Те това съм чула. Това си го има и писано. А косата е Бог остаил - да се познава: кое е глава,кое е ... друго. Иначе свичко се е свлекло: това се е свлекло, онова се е свлекло... А они целите са били облечени със коса... И така са направили оньи със ньиньята работа - та ние сега да ораме, да копаме, да работиме! Да предеме, да тъчеме - да си чуваме децата...
И посленке две мончета се очували - Каин и Авел. И Каин убил Авела - за да има война. За да има война послем, они са се така избили, та да има война. Да се пречиства народо. Каин и Авел са обявили първата война. Единия - Каин, другия - Авел. На буба Ева и деда Адъм они са първите деца. И Каин убил Авела. Од Бога е - да има война! Сега глей кво има война има, трепанье! Те така..."

Дальше следует описание событий о потопе; о мытарствах Ноя; об испытаниях его родственника Лота - об его невольном грехе, равно как и искуплении; о праведном Йове, etc.

Аналогичным примером могут послужить записанные и опубликованные Кузманом Шапкаревым[3] тексты вариантов легенды о происхождении пса; этиологический сюжет о том как собака появилась на свете в результате метаморфозы плоти Каина или Авеля, есть лишь деталь повествования "*о том как во время оно Бог Миром правил*"; т. е. фольклорные нарративные тексты, интерпретирующие библейскую тему о Каине и Авеле, выступают в качестве относительно самостоятельного фрагмента локальной устной версии "Бытия".

Второй тип фольклорных прозаических текстов, повествующих о гневе пахаря Каина на его брата пастуха Авеля, состоит из композиционных звеньев, восходящих как к исконным библейским мотивам, так и к более поздней их интерпретации в контексте средневековой христианской (канонической, равно как и апокрифической) литературной традиции.

---

[3] Кузман Шапкарев, *Сборник от български народни умотворения в четири тома*, том IV, София 1973, с. 264, 266.

Так напр. в опубликованной Йорданом Ивановым рукописи XVI века (т.н. *Ловчанский сборник*),[4] являющейся версией текста "Разумника" [Разоумникъ], находим ряд любопытных деталей.

Согласно этому тексту Авель воздал первое на земле жертвоприношение Богу [В.: рьци ми, кто наи прьво сътвори окрокь на земли? - W.: Авель іагне закла]; он же является и первым в мире пастухом [В.: да кто прьвыи пастырь? - W.: Авель], тогда как его брат Каин был первым земледелцем. Он же научил людей пахоте [В.: кто наоучи ратаа орати? - W.: Каинь]. От него, однако, начались злоба и ложь, клевета и разбойничество, равно как и "душегубство[В.: w кого паче сѧ злока? - W.: w Каина зачѧт сѧ злока, лъжа и клавета, разбои и дш҃егѹбьство]. Грехам этим он душу погубил свою, ад наследил, землю осквернил, отца оскорбил, своей матери сына лишил и тем самым брата потерял [В.: кто сѧтвори .з. дъвь великыихъ, егда погибе з҃. частеи свѣта? - W.: Каинь а. дш҃ж погѹби, в. ада наслѣди, г. земла осмради, д. оц҃а wпечали, е. мт҃рь окезчеди .ѕ. Ба wкрьже сѧ, .ѕ. сѧ братwм растаа сѧ].[5] А почему Бог поставил его на Луну? Дабы видел Каин все мирские блага, от которых лишился, равно как и зло, которому он был начало [В.: почто постави Бг҃ Каина сь лѹномь? - W.: да зрить блг҃аа, еліко лишіл сѧ ея҃ и да зрить злаа, еліка wт него начѧшж сѧ]. А почему дуют сильные ветры? Ибо Каин плачет. И от чего они поднимаются? Они есть вопли его [В.: како вьздвижѫт сѧ силныи вѣтри? - W.: егда Каинь плачет сѧ, того ради вьздвижѫт сѧ силнїи вѣтри].[6]

В этой рукописи находим еще несколько очень любопытных деталей относительно жизни и смерти первых сыновей Адама и Евы. Так например, после того как брат брата убил, Авелево тело осталось нетленным в течении 900 лет [деветьсѣтъ лѣтъ], тогда как тело Каина изуродовалось. "Яко бе гневь Божий на Каина" [іако бѣ гнѣвъ бж҃ии на Каинѣ], он сгорбился и зверьям уподобился [Згрьчив сѧ хождаше, и глава егw пры ногѹ]. Очевидно при этом, что

[4] Йордан Иванов, *Богомилски книги и легенди*, София 1925, с. 257-272.

[5] там же, с. 261

[6] там же, с. 263

идея о нетленности Авелевой плоти как бы отсылает к каноническим православным христианским, равно как и фольклорным представлениям о сакральной природе мощей святых мучеников. Вместе с тем нетленность плоти Авеля противопоставлена уродству тела Каина Окаянного, которое является воплощением греховности.

Йордан Иванов считает, что Ловчанский сборник отражает некоторые богомильские по своему характеру (а вероятнее всего - и по происхождению) мотивы и сюжеты. Между тем, аналогичные темы выступают в качестве стержневых компонентов текста "Сказания из [книги] Бытия", являющегося фрагментом Беловского сборника (конца XVII века).[7] В этом сборнике, который представляет собой любопытную компиляцию нескольких рукописных памятников, репрезентирующих традицию литературных сочинений вопросно-ответного типа, находим ряд мотивов, функционирующих и в фольклорных текстах. Так напр., ответ на вопрос: "Какова ширина Рая?", содержит следующую деталь: "Скажи мне кто был первым, воздавшим жертву? Авель заколол ягненка и принес его в праведную жертву перед вратами Рая. За ним Каин, вторым [воздал в качестве жертвы Богу] часть пшеничного семени, но [сделал это] неправедным сердцем. Поэтому Господь презрел его жертву. Поэтому разгневался он [Каин] на Авеля, брата своего, и его погубил. И [Каин] был посажен на Месяце, дабы видел все, родившееся на земле".[8]

А вот и полное содержание ответа на вопрос: "Ради чего Бог поставил Каина на Луне?": "Дабы видел блага, которых лишился, и дабы видел зло, оставшееся после него".[9] В том же рукописном сборнике встречаем еще и ответ на вопрос "С кого зло началось?"; а именно, "От Каина есть начало зла: лжи, клеветы, зависти, ненависти, кражи и насилия. И когда Ламех его стрелой убил, Господь сказал: "Со злым пускай и зло погибнет!"А почему Господь на Луну его поставил? Дабы

[7] *Сказание, което е от [книгата] Битие. Христовите думи, как [Господ] сътвори всичко. Благослови, Отче! - в сб. Стара Българска Литература*, том V, "Естествознание", съставителство и редакция Анисава Милтенова, София 1992, с. 334-350.

[8] там же, с. 336.

[9] там же, с. 339.

зрел на все зло, которое началось от него и дабы зрел на блага, которых лишился".[10]

Тут нельзя не обратить внимание на разительное сходство ряда деталей, которые выполняют формообразующую функцию не только в апокрифной литературной, но и в фольклорной версии сюжета о Каине и Авеле. Знаменательно, что в обеих случаях прецедент появления пятен на Луне сопрягается с преступлением Каина, пролившего кровь брата своего Авеля. Господь превращает финальную сцену библейской драмы в знак; знак этот совмещает символику астрального кода и Библейскую символику; пятна на Луне суть знак *'страшного чуда', свершившегося на Земле.* "Небесный план" сюжета демонстрирует как бы "стоп-кадр" инцидента, являющегося коллизией библейского сюжета, превращая его в знак. Знак этот *зрим для очей всех мирян*; он маркирует и визуализирует свершение *страшного чуда*; при этом он содержает в свернутом виде символическую семантику этиологического текста; процесс "визуализации" сакрального повествования превращает Луну в икону; последняя фраза - это не констатация фольклориста, это подытоживающая реплика фольклорного текста: "*Като на иконите горе в месечината се види..*"

Вместе с тем тем, эти тексты отражают некоторые универсальные мифологические мотивы, которые обособлены Ст. Томпсоном в его Motif-Index Of Folk-Literature в отдельную категорию [тип А 751].[11] Показательно, что Данте Алигьери в своей "Божественной комедии" тоже говорит о

[10] там же, с. 346.

[11] *Motif-Index of Folk-Literature. A Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Medieval Romances, Exempla, Fabliaux, Jest-Books and Local legends*, Revised and Enlarged edition by SMITH THOMPSON, volume 1, A-C, Rosenkidle and Bagger, Copenhagen, 1955; см. тоже публикацию Оливера Емерсона; OLIVER F. EMERSON, *Legends of Cain, Expecially in old and Middle English*, Publications of the Modern Language Association of America, Ed. by Charles H. Grandgent, vol. XXI (New Series, vol. XIV), Published Quaterly by the Assocoation. printed by J. H. Furst Company, Baltimore, 1906, pp. 831-930; см. тоже публикацию Дж. Фрезера о знаке Каина: "The Mark of Cain", *Folk-Lore in the Old Testament. Studies in Comparative Religion legend and Low by Sir James Frazer* In three Volumes. vol. I, Macmillian and Co. Limited St. Martin's street, London 1918, pp. 78-103, ср. также THEODOR H. GASTER, *Myth, Legend, and Custom in the Old Testament*, Harper & Row, New York 1969, pp. 51-78.

"знаках на Луне", которые "там, внизу на земле, заставляют некоторых рассказывать басни о Каине" (Paradiso, II, 49-51). Знаки эти суть не более, как "Каин, согнувшийся под вязанкой хвороста" (Inferno, XX, 124-126).

Некоторые исследователи "усматривают" описание аналогичного фольклорого образа и у Уилиама Шекспира ("Midsummer Night's Dream").[12]

А что рассказывают болгары о пятнах на луне?

В деревне Копиловци (Северозападной Болгарии) этот мотив превратился в компонент фольклорной версии библейского сюжета о Каине и Авеле и получил следующую интерпретацию:

> "Това за Каин и Авел се знае от векове. Каин и Авел са били бракя и Каин утрепал Авела и тагай Господ га проклел - да га носи све на гръбину и съга като гледаме месечину, има малко така, като сенкя - Каин носи Авела, брата си..."; в той же деревни пятна на Луне названи просто текстом, "написанным на Месяце": "Чьи са тия, дека у месеца тога?... Тия, дека си убил брата. Па га све носи, цел живот си го носи... у месецът... Е оно е така де, у месецът. Ама не знам чьи су били тия - ама те, брата си убил брата... И йоще е било поземи едно-друго... и още се вервало...
> *И така ли е записано, какво ли - съга съм чула, че: "Е ги ей, - каа, - они се виду у месеца! Дека га носи на рамо!"...*
>
> Това съм чула, не съм чела... [...] Каин и Авел."

И еще пример из того же региона Северо-Западной Болгарии:

> "У месеца има двамина. Оно се види - тоя, дека си убил брата, па га све носи. У месецът су - ама не знам чьи род са били тия. Ама те - брат си убил брата. И йоще поземи имало едно-друго, йоще се вервало...
> *Така ли е записано на месецо, кво ли, мъ съм чула: "Глей! - каа, - яла оно се види у месецо, дека га носи на рамо! Брат брата утепал и га носи нарамо!". Защо е чудо станало и Бог дал да седи на месецо. Тия двамината бракя ин ги окале Каин и Авел. Ете они че седат довек на месчината.*

[12] OLIVER EMERSON, *o. c.*, pp. 841-842.

Имаше много светии, ама заборище. Ми не знамо кво га зову комшицкото дете, па че знааш кво са зовеяли отдамна светийе..."

Итак, фольклорные тексты как бы превосходят наиболее смелые ожидания фольклориста.

Тексты второго типа, как уже отмечалось, демонстрируют параллельное "развертывание" одного и того же мотива в текстах "книжной" и "устной" традиции.

Налицо - параллель между фольклорным нарративом и фрагментами, фиксированными в разных редакциях средневековых литературных памятниках, относящихся к кругу сочинений типа "Вопросов и ответов"; сочинения подобного характера, будучи компилятивными произведениями, сопрегают в единый текст "нити" разных по природе своей средневековых литературных источников; они восходят к традициям "Беседы трех святителей", "Разумника", "Разумника-Указа", etc.

Знаменательно, что библейская тема о Каине и Авеле получает специфическую интерпретацию и в песенной традиции болгарского фольклора; в некоторых деревнях болгарских переселенцев в Бессарабии и Таврии варианты балладного сюжета "Делились два брата", выступающих в качестве застольных или жатвенных песен, обычно приводятся информантами как доказательства "истинности Библии", а следовательно - и самой локальной легенды о происхождении пятен на Луне как изображения Каина и Авеля; или же, наоборот, нарративный текст может быть иллюстрацией "истинности" воспеваемого в балладе события.

Примеров сопряжения песенного и нарративного текста при интерпретации библейской темы о Каине и Авеле достаточно много; так напр. среди болгарских переселенцев в Таврическую деревню Нови Трояни, Бердянского района, Запорожской обл. (Украины), автором был записан следующий текст:

"Ай тва ти е на мясчинта. Старите хора викат: "Ей там знайш? Съ види кату хора във мясчинта"... Ай тва двама брата съ делили - и всичко по братски делили:

Нива със синджир мерили,
лозето - кютук по кютук,
тука остана-остана
дор два ми коня ранени,
дор два ми сиви сокола.
Сокол за сокола пищяши,
коня за коня цвилиши,
не можат да ги раздялят.

Виж - то съ мержеляй!
Ний питааме: "Кво й туй на мясчинта, дет съ види?".
Тия викат: "Тва двама брата съ делили!".
Мъ що съ на месчинта така изтъкъвани?"

И, наконец, хочется лишь упомянуть, что параллельно с этим существуют и другие версии этиологической легенды о символике пятен на Луне, отсылающие к Новозаветной традиции. При этом фольклорная традиция демонстрирует полное согласие с парадигматикой Библейской типологии, где Авель является прообразом Христа, а Каин - прообразом Иуды. Как и следует ожидать в подобном контексте, пятна на Луне "идентифицируются" как изображения Исуса и/или же Иуды.

В настоящей работе в качестве иллюстративного материала приводились фольклорные тексты (как песенные, так и нарративные), которые являются показательными и характерными для болгарской традиции; пожалуй, сам их перечень дает представление о том, насколько широк диапазон "вибрации" этого сюжета. Однако, что касается проблемы "очерчивания границ" (даже совершенно гипотетического порядка) его ареального распространения, то пока мы можем лишь приблизиться к подобной постановке вопроса, так как эта тема пока не затрагивалась в болгарской фольклористике; следовательно, нам приходится оперировать только ограниченным количеством текстов, записанных преимущественно автором, что едва ли позволяет даже приблизиться к серьезным выводам, касающимся текстологической и ареальной постановки проблемы.

И наконец хочу обратить внимание на специфическую деталь, имманентно присущую болгарской фольклорной версии библейской темы о Каине и Авеле; как раз эта деталь и подразумевалась, когда в самом начале настоящего изложения утверждалось, что анализируемый нами ветхозаветный сюжет [Быт. IV] получил не только *широкое*, но и весьма *любопытное* распространение в песенной и нарративной традиции болгар. Эта деталь, как нам кажется,

затрагивает проблемы перевода Библии с языка на язык; но не *"перевода текста"* в собственно лингвистическом плане (скажем, с греческого на болгарский); а *"перевода текста"* в более широком, семиотическом аспекте (с "языка" одной культуры на "язык" другой культуры). Подобный процесс *"перевода"* текста (и дальнейшей его трансформации и адаптации) следует понимать, отчасти, как процесс параллельного переключения кодов разного порядка: "книжной" и "устной" традиции; "канонической" и "апокрифической" и пр. Очевидно в этом плане и следует рассматривать многочисленные "разночтения" при переводе библейских текстов.

Так напр., мотив *Печати Каина* ("дабы никто, встретившись с ним, не убил его"), функционирующий в кн. IV Бытия (ст. 15) как стержневой елемент ветхозаветного нарратива, совсем не популярен в болгарской фольклорной традиции, что, наверное, является и специфической ее характеристикой.

В этом смысле болгарская традиция совершенно отличается от русской, где популярно поверие, согласно которому *экзема* является *"болезнью Каина"*.

В связи с этим достаточно напомнить лишь следующие стихи Ходасевича (который, кстати, сам этим заболеванием страдал):

А по пескам, жарой измаян,
Средь здоровеющих людей
Неузнанный проходит Каин
С экземою между бровей.
["У моря"]

Возвращаясь к болгарской фольклорной традицией следует лишь упомянуть, что мотив *Печати Каина* полностью отсутствует.

Анализируя проблему "разночтений" на материале сюжета о Каине и Авеле разных редакций перевода текста Священного Писания на латинский, Ruth Mellinkoff отмечает в своей монографии *The Mark of Cain* следующее: "The Latin verse, however, can be, and has been [...] translated in at least two ways depending on whether a filled-in *in* is meant to go with Cain, or with *signum*, and therefore:

1. Posuitque [in] Cain signum / signum [in] Cain, thus meaning: placed a sign on Cain, or
2. Posuitque Cain [in] signum / [in] signum Cain, thus meaning: made Cain [as] a sign.[13]

Вслед за Ruth Mellinkoff можно лишь добавить, что болгарские фольклорные тексты - это не рассказ о том как Бог ставил Свою *печать* [*знак, знамение, белег, дамга,* etc.] на Каина; наоборот - они демонстрируют именно процесс превращения *Каина в знак* и проявления его как знака; совершенно игнорируя возможное прочтение ветхозаветного текста как повествование о том *как* Бог ставил *знак Свой* на преступника-братоубийцу, они следуют логике превращения самого персонажа в знак преступления; *Каин - это не означаемое* преступления, *он - означающее* преступления.

Итак, нам кажется очевидным, что в болгарском фольклорном контексте библейский персонаж *Каин выступает как знак Бога,* а не как *означаемое Богом*; эта деталь коррелирует с некоторыми традиционными формулами и стратегиями перевода, характерными для рукописной традиции функционирования Ветхого завета на латинском; что в конечном итоге ставит вопрос о колебаниях аналогичного типа при процессе перевода с древнееврейского на древнегреческий, с древнегреческого на старославянский, etc.

Подобная констатация, в свою очередь, является аргументом, потверждающим предположение, что современные фольклорные записи могут предложить исследователям-библеистам достаточно надежные (в "эмпирическом", равно как и в "теоретическом" аспекте) стратегии не только для более точного текстологического анализа, но и для процессов идентификации прототекста.

И еще. Хотя и записывались в деветнадцатом и двадцатом веке, вышецитированные фольклорные материалы восходят к разным этапам многовековой эволюции устных текстов, аналогичных или же альтернативных "книжной" ветхозаветной и новозаветной (канонической, равно как и апокрифической) традиции.

Вместе с тем современные фольклорные тексты, по всей видимости, парадоксальным образом отражают некоторую

[13] RUTH MELLINKOFF, *The Mark of Cain*, University of California Press, Berkley, Los Angeles, London 1981, p. 2.

достаточно архаическую стадию эволюции исконного библейского "прототекста", предшествовавшую стадии его превращения в писменный текст.

Совершенно очевидно при этом, что фольклор был не только универсальным источником общего фонда культурных символов ритуальной, нарративной и пр. парадигмы иудейской, равно как и христианской религии, но и регулирующей системой моделирования текста; он был исконным лоном "зачатия" и латентного "созревания" текста Библии до того, как этот текст стал собственно *'Библией'* (то есть - *'книгой'*).

Современные болгарские фольклорные версии Ветхозаветной и Новозаветной традиции однако демонстрируют вместе с тем и обратную тенденцию - тенденцию превращения Священного *Писания* в Священное *Предание.* Акт этот знаменует некоторое симметрическое "возвращение" *Библии* к ее изначальному контексту и к ее исконным функциям сакрального устного послания - песенного, нарративного, речитативного, etc.; ибо она и есть ТО "слово, которое было в начале" [Йоан, I].

Сама идея реализации ретроспективного анализа прототекста Священного Писания имплицитно присутствует в студиях ряд фольклористов; хотя чаще всего в исследованиях подобного рода ведущей является идея компаративистического, структурно-типологического и пр. анализа.[14]

Нам кажется, что современные фольклорные записи, интерпретирующие ветхозаветный и новозаветный нарратив, предлагают достаточно любопытный материал для реконструкции исконного "словника" мотивов, сюжетов, персонажей и пр., имманентно присущего библейскому прототексту.

Ретроспективный анализ и синтез аналогичного типа уже проводился в области культурной антропологии.

Так напр. Michael P.Carrol, затрагивая (вслед за Claude Levi-Strauss) проблему внутренней структуры мифа, использует в качестве иллюстративного анализа именно исследуемый нами библейский сюжет о Каине и Авеле.

[14] PATRICIA G. KIRPATRICK, *The Old Testament and Folklore Study. Journal for the Study of the Old Testament*, Supplement Series 62, 1988, Sheffield Academic Press.

То, что нам кажется весьма интересным объектом будущих исследований в этом направлении - это попытка реконструкции самого акта убиения Каином Авеля.

Знаменательно при этом, что после заклания жертвенного ягненка Авель как бы стал *"Агнецом"*. При этом жертву Авеля Бог принял, а жертвы Каина не принял. Принял Он жертву Каина лишь тогда, когда жертвой его стал брат его Авель. Между тем, Авель как бы становится ветхозаветной ипостасью христианского праведника и мученика [Мф. XXIII, 35; Послание ап. Павла к Евреям, XI], а его смерть - протосимволом Евхаристии, тогда как кающемуся брату его Каину суждено было превратиться в протообраз Иуды окаянного.

APPENDIX

text № 1

ТОЙ ОДРЯЗАЛ НА БРАТ СИ ГЛАВАТА

Знайш за кво моя баща разказваше? Ну яз кату гледам яй на тъй [месечината], викам:

- Тате!... Що ми съ вижда, като това ей мясчинта - сякаш кругло и сякаш има очи, нос, такъво сичко [като лице са човек]?

Пък той [ми] вика:

- Да, то тва [е] чуляк.

Викам [му]:

- Ми що [е] там тоа чуляк?

Той [ми] вика:

- Ами Той Госпудь гу наказал.

Викам [му]:

- Ми що?

Ми той, не знам кво [бил направил този човек, който е на месечината]; на Разпет петък [струва ми се, че]... удрязал [бил някому] главата... Не знам на кой... [този човек бил отрязал] главата; а че Той [Бог тогава него] гу наказал да свети на сичкио бялио свят. Ну мясчинта - тя [нали] жъ гряй на сичкия мир... Ну и той тъй ми разказваше тати..., [че като че ли човекът в месечината] на брат си той одрязал главата... А че той удрязал на брат си главата и тогъва Госпудь гу наказал. На Разпети петък гу наказал, ну - както сега судят едно-друго. Пък негу гу присудил Госпудь - чи да вижда сичкото, колкото жувяй - той... да светява, да гори се. Да свети всьо време, да свети, да гряе. Да огревава таковуту [целия свят], щоту той съгрешил - голяму тъкова, преступление [направил] - да му удряжи главата на родния си брат!

Разпетио петък - той знайш ли [какъв ден е]? На Разпетио петък те... [едно време честваха така]; нали знайш на празниците, на Вилигден особено, одея од ония години в черкова; има, и у нас има [черква], и яз одих със мама, още малка бех; викат:

- Жъ идим да вардим Госпудь!...

Викаме:

- Ми де йе тоа Госпудь?

Тя [мама ми] вика:

- Той [Господ] е там [в черквата]! Жъ идим, жъ Гу видиш къде йе!...

Ну - сандък [има] там, и Той [е] разпнат там! Ну Той не е чуляк! Ну, Госпудь вроде, куни ли, кво там има, не знам. Но одея да Гу вардят жени нуця, спяя там. Не спят, ми седът. Тва [се правеше] напротив [един празник]... Тъй съ казва - на Разпет петък. Те тогава мъчия Госпудь, фъф тоя такъво [ден], начи Гу разпная, Гу забили - ну който е там, Му забили краката и ръцяти, съ Гу мъчили, съ издевавали... [...]

Ей тоя на, дето главата му одрязали - ми той не е ли тва на Госпудь сино Му - Иван? Че му одрязаа главата [на сина Му на Господ] и там [на небето] гу наказаа [тоя, който го обезглави, като го сложиха в месечината]! Не е ли на него [лика му] на луната?... Викам [си аз]: "Ей тва йе на Госпуд сино му, трябва да йе Иван, че му одрязаа главата!"...

И той [лика на убиеца му] затуй луната свети тъй, на наказание ли, кък? Аз ни знам...

Моя баща вика, че такъво, тва [е на луната, защото] Той гу наказа Госпудь, щоту той йе удрязал на брат си главата... Пък кък му е името - Иван ли, не знам... Аз още дите бях малко, [баща ми когато ми разказваше], ну уже години четири пет, уже разбирах... И гледам [в луната] и викам:

- Тати, що така виждам, - викам, - чуляк съ вижда сякаш че тъй е...

- Ха, това още [се вижда] на един чуляк [главата]...

Там - [вътре в месечината] от Госпудь ли е [дадено да се вижда човешки лик]? Кък му викаа [на този човек, който е вътре в месечината]? Одрязал на Госпудь на сино му главата и Той гу наказа - и да свети на сичкио мир за наказание, квоту да съ оправдава... Наказание гу наказал. На Иван ли, на кой му одрязали главата? И Госпудь му дал да свети на всичкио мир - за наказание, че той си заколил брат си...

май 1989 г.
с. Гюневка
Таврия
Приморского района
Запорожской области
Украина

Рассказала:
Мария Степановна Чобанова,
род. 1921 г., с. Гюневка,
обр. V кл., домохозяйка

text № 2

КАИН УТРЕПАЛ АВЕЛА

Това за Каин и Авел се знае от векове. [...] Откак свет светува се знае...

Каин и Авел са били [двама] бракя и Каин утрепал Авела и тагай Господ га проклел - да га носи све на гръбину.

И сега като гледаш месечину, ей гу има малко така, като сенкя - Каин носи Авела, брата си...

май 1990 г.
с. Копиловци
Чипровского района
Болгария

Рассказала:
Ана Борисова Ценкина,
род. 1923 г., с. Копиловци,
обр. VII кл., домохозяйка

text № 3

КАИН И АВЕЛ

Чьи са тия, дека у месеца тога?...

Тия, дека си убил брата. Па га све носи, цел живот си го носи... У месецът... Е, оно е така де, у месецът. Ама не знам чьи су били тия - ама те, брата си убил брата...

И йоще е било поземи едно-друго... И йоще се вервало...

И така ли е записано, какво ли - сега съм чула, че [викат хората]: "Е ги ей, - каа, - они се виду у месеца! Дека га носи на рамо!"...

Това съм чула, не съм чела... [...] Каин и Авел.

май 1990 г.
с. Копиловци
Чипровского района
Болгария

Рассказала:
Ивана Георгиева Митина,
род. 1902 г., с. Копиловци,
обр. IV кл., домохозяйка

text № 4

БРАТ БРАТА УТЕПАЛ

У месеца има двамина. Оно се види - тоя, дека си убил брата, па га све носи. У месецът су - ама не знам чьи род са били тия. Ама те - брат си убил брата. И йоще поземи имало едно-друго, йоще се вервало... Така ли е записано на месецо, кво ли, мъ съм чула: "Глей! - каа, - яла оно се види у месецо, дека га носи на рамо! Брат брата утепал и га носи нарамо!".

Защо е чудо станало и Бог дал да седи на месецо. Тия двамината бракя ин ги окале Каине и Авеле... Ете они че седат довек на месчината.

Имаше много светии, ама заборише.

Ми не знамо кво га зову комшицкото дете, па че знааш кво са зовеяли отдамна светийе...

май 1990 г.
с. Копиловци
Чипровского района
Болгария

Рассказала:
Цона Иванова Ценкина,
род. 1921г.,с. Железна,
обр. III кл., земледелка

text № 5

КАИН И АВЕЛ СА ТУРЕНИ ЗА ЗНАК НА МЕСЕЧИНАТА

Като се сбрал Адам със Йева и се родило син и са го кръстили Каин. Он е първороден. И посленке се е родило още едно монче - са го кръстили Авел. Каин е бил земледелец, а брата му Авел е бил овчар. И они двамата бракя са одили да приносат на Бога жертва. И Бог е принул даро на Авел, на мипинкия; а на по-големия не е щеял даро. Апа защо е станало така? Е станало така, защо Авел не е куснал од жертвенико, кога го е однел на Бога, а Каин е бил куснал. И Бог си е одвърнал лицето от таа жертва, на Каин къде е. И Каин му се нажалило и се разлютил на брата си и кимне и го прибие. И си е ошъл дом и макя му, Йева го е питала: "Дека е брата ти?"; и баща му го е питал : "Дека е брата ти?"; а он си е мирвал и нищо не е казвал. И Госпад го е тогава проклел гроб да нема - довек да седи на месечината и да носи брата си на грбину. Месечината ин ги е на ньи и на двамата за гроб...

Затова се казва, че Каин и Авел са турени за знак на месечината. Знак вовеки веков...

27.XI. 1989 г.
с. Лесковец
Берковского района
Болгария

Рассказала:
Ивана Иванова Тинкова,
род. 1909 г., с. Лесковец,
без образования, землед.

text № 6

БРАТ БРАТА СИ ФЪВ СЛАМАТА НАБУЧИЛ

А [ък на мясчинта - а тва е - има тоже [петна]: брат брата си ф ф сламата набучил със вилта и гу издигнал. Има [го това]

на мясчинта - на мясчинта брат брата си дръжи на вилта! Гату пълна мясчинта - че такава зорка нъщ, пригледайте съ! Пък яз тва често приглявам. Щоту ние от детство още ни разказваше баба. Ей така някуй пъть такъва ясна нъщ, тая мясчина пълна - и таман кату изгрява, тя хализ хубава съ гледа, тя ярка такъва... Фъф къвто празник рабутил брат му, а пък оноз спал фъф сламътъ и тъй да гу набучи, да гу дигни - гу натъкнал. Греота да съ рабутилу, пък той рабутил къвту празник и натиснал брат си със вилата.

май 1989 г.
с. Нови Трояни
Таврия
Бердянского района
Запорожской области
Украина

Рассказала:
Валентина Симеоновна Телчарова, род. 1932 г., в гор. Луначарске, среднее образование, землед.

text № 7

ЕДИНИЯТ БИЛ КАИН, ПЪК ДРУГИЯТ - АВЕЛ

Сичкото чудо, дет гу има на зимята, Госпуд гу туря на нибето - да се знае и да се повни.

Има тъй идна притча, Божова притча за дваминатa братя, дету на мясчинта са гледат. Нящу си там съ скарали, пящу дума лоша си казали и съ сборили. Единият бил Каин, пък другият - Авел.

Пък тоя Каин съ налютил и махнал с вилата - нали знаеш вила, дето сино съ сбира - и къкту махнал, тъй гу ръгнал.

И Госпуд качил сичкуту на нибету.

Я на - има я и "Колата", има я и "Сламата"...

Пък тях дваминта ги турнал хализ на мясчинта в сридъта. Докъту свят светува, там жъ си стоят, да съ чуди народа сичкия с тях - брат брата с вила заклал!

апрл 1981 г.
с. Кортен
Бессарабия
Чадыр-Лунгского района
Молдавия

Рассказала:
Прасковя [Параскева] Петровна Вучкова, род. 1898 г., с. Кортен, обр. IV кл., землед.; баптистка

text № 8

ДВАМА СЪ БРАТЯ ДЕЛИЛИ

[София]: - Двама братя съ делили... Ей тва е на мясчината. Старите хора викат: "Ей там знайш, съ види там съ види [като] хора, в мясчинта, къту чуляк!" Викат: "А! Това двама брата съ делили, сичко по братски делили, нива със синджир мерили!".

[Мария]: - На мясчинта - два брата съ делили!

Двама съ брата делили,
сичко по братски делили,
нива със синджир мериа,
лозету - кютук по кютук!
Тука остана-остана
дор два ми сиви сокола,
дор два ми коня ранени!

[София]: - Ми тва кът е пясна, що ни пяйш?

Сокол за сокол пищяши,
коня за коня цвилиши...

[Мария]: - На мясчинта - ей тя гу разказа, двама брата съ делили. Ай тва ти е на мясчинта. Старите хора викат...

[София]: - Ей там знайш? Съ види кату хора във мясчинта, къту чуляк... Викат: "Ай тва двама съ брата делили - и всичко по братски делили:

Нива със синджир мерили,
лозето - китук по китук,
тука остана-остана,
дор два ми коня ранени,
дор два ми сиви сокола.
Сокол за сокол пищяши,
коня за коня цвилиши,
ни можат да ги раздялят."

[Мария]: - Виж - то съ мержеляй! Ний питааме: "Кво й туй на мясчинта, дет съ види?"; тия викат: "Тва двама брата съ делили"... Мъ що съ на месчинта там изтъкъвани?

апрель 1989 г.
с. Андровка
Таврия
Бердянского район
Запорожской области
Украина

Рассказали:
София Ивановна Пиливанова род. 1911 г., с. Андровка, домохозяйка; и ее соседка Мария Христофоровна Телчарова, род. с. Нови Трояни, домохозяйка

text № 9

ДЕТУ СЪ ДЯЛБА ДЕЛИЛИ

На месчинта - Каин и Авел, два брата, двама близнака, дету съ дялба делили.

Всичко по братски делили,
нива съ синджир мерили,
лозето - кютук по кютук,
тука остана-остана
дор два ми коня ранени,
дор два ми сиви сокола.

апрель 1989 г.
с. Нови Трояни
Таврия
Бердянского района
Запорожской области
Украина

Рассказал и спел:
Василий Афанасиевич Бончев,
род. 1913 г., с. Нови Трояни,
обр. I кл., земледелец

text № 10

КАИН НАМУШКАЛ БРАТА СИ АВЕЛ

Има на мясчинта така мъninко, къ сянка тъй мяса. Тя светлива, пък тука-таме къ сянка. Туй имало пясна. Два брата дялба делили, бащино свидно имане...

Мъ ни мой да ти пяя, щоту жалея... Пък да ти я казувам тъй, не мога да съ сятам...

Скарали съ тия двамината братя и единият, Каин, намушкал брата си Авел с вилите.

И Господ тъй на го проклел: докът свят светува - да носи брата си на вила намушкан на мясчинта. Сичкия народ да го гледа и да гу кълне.

апрель 1981 г.
с. Твардица
Бессарабия
Чадыр-Лунгского района
Молдавия

Рассказала:
Мария Петровна Папурова,
род. 1900 г., с. Твардица,
без образования,домохозяйка